

УДК 338.23:36(517.3)

DOI [10.17150/1993-3541.2014.24\(6\).105-112](https://doi.org/10.17150/1993-3541.2014.24(6).105-112)

Ч. УЛААН

Великий Государственный Хурал Монголии,
г. Улан-Батор, Монголия

ГЕНЕЗИС ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В МОНГОЛИИ

Аннотация. Современный этап экономических и политических реформ в Монголии сопровождается кардинальными преобразованиями социальной структуры монгольского общества. Для понимания функционирования и развития общества в аспекте его социальной структуры в статье представлены основные теории, освещающие проблемы социальной трансформации. Проанализирована трансформация демографических тенденций, доходов и расходов хозяйств Монголии, выявлены особенности номуадизма и его влияние на экономику и социальную сферу страны, показаны миграционные тенденции, а также статистика браков и разводов. Сделан вывод о том, что социальная трансформация происходит путем формирования новых и изменения прежних социальных групп, слоев, отличных друг от друга по отношению к власти, формам собственности, профессиональным занятиям, принадлежностью к сектору экономики, уровню доходов, распределению общего объема денежных доходов населения и ценностным ориентирам. Таким образом, социальная трансформация рассматривается как изменение социальной структуры общества вследствие внешних и внутренних воздействий.

Ключевые слова. Социальная сфера; социальные отношения; Монголия; демографические процессы; рыночная экономика.

Информация о статье. Дата поступления 25 ноября 2014 г.; дата принятия к печати 11 декабря 2014 г.; дата онлайн-размещения 29 декабря 2014 г.

CH. ULAAN

State Great Hural of Mongolia,
Ulaanbaatar, Mongolia

THE GENESIS OF SOCIAL RELATIONS TRANSFORMATION IN MONGOLIA

Abstract. The current stage of economic and political reforms in Mongolia is accompanied with fundamental reforms in the social structure of the Mongolian society. The article presents the basic theories describing the problem of social transformation so that the reader could understand the issues of functioning and development of the society in terms of its social structure. The transformation of demographic trends and the Mongolian farms income and expenses are analyzed. The peculiarities of nomadism and its impact on the economy and social sphere of the country are defined. The migration trends and statistics of marriages and divorces is provided. It is concluded that social transformation is realized by means of formation of new and changing of old social groups which differ from each other by the relation to power, form of ownership, occupation, belonging to the sector of the economy, the income level, distribution of the total population income and value orientations. Therefore, social transformation is considered as a change of social structure under the impact of external and internal factors.

Keywords. Social sphere; social relationships; Mongolia; demographic processes; market economy.

Article info. Received November 25, 2014; accepted December 11, 2014; available online December 29, 2014.

С точки зрения социального дарвинизма человеческая жизнь — это борьба за существование. Имеется и другая крайняя точка зрения: общество идентично термитному образованию, в котором человек выполняет строго предписанный ему режим поведения, когда личный интерес растворяется в общественном, а однообразие, стандартность и унификация становятся нормой жизни.

Есть важный социальный закон — закон циклического развития. По этому поводу российский видный ученый Н. Д. Кондратьев писал: «Периоды повышения волн больших циклов, как правило, значительно богаче крупными социальными потрясениями и переворотами в

жизни общества, чем периоды положительных волн» [5]. В соответствии с теорией социальной мобильности специфика социального прогресса заключается в перемещении людей. Современный американский социолог М. Миллер подчеркивал, что более широкий масштаб социальных перемещений является основополагающим фактором общественного развития.

По мнению некоторых ученых, социальная мобильность — это форма латентного процесса, образующего сердцевину преобразований в социальной структуре общества (социальное воспроизводство — процесс эволюции системы социальных отношений в форме их циклическо-

PROBLEMS OF INTERNATIONAL ECONOMY

го воспроизведения). Этот процесс воплощает тенденции изменения социальной системы, присущие конкретному этапу общественного развития: воссоздание существующих элементов социальной структуры и отношений между ними (простое социальное воспроизводство), а также возникновение новых элементов и отношений (расширенное социальное воспроизводство). Важнейшим фактором социального воспроизводства, с точки зрения французского социолога П. Бурдьё, является такой социальный институт, как система образования. В 1970–1980-е гг. во Франции выдвинута концепция антропометрического процесса. Согласно указанной концепции социальная трансформация — целостный процесс производства, распределения и использования людей в классовой структуре общества. Важнейшей предпосылкой социальной трансформации является, по мнению российского ученого Г. Я. Ракитской, изменение степени реальной свободы трудящихся в обществе.

Обобщая перечисленные трактовки, а также другие теории, раскрытые в трудах [3–9, 12–15], следует признать, что социальная трансформация, характеризующая изменение социальной структуры общества, есть следствие изменения социального положения, масштабного перемещения людей, существенных институциональных перемен общественного устройства.

Современный период развития Монголии ознаменовался тем, что частные собственники стали господствующим слоем в обществе. Приобретение собственности, личное накопление превратились в сверхценные идеи. Уже в 90-е гг. прошлого века в стране более 80 % поголовья скота было передано в частные руки (в 1990 г. доля частного сектора в ВВП составляла лишь 5 %, а к 2012 г. — уже 75 %). В 1991–1999 гг. существенно возросло количество действующих хозяйств: к концу

2012 г. насчитывалось 51,9 тыс. ед.¹, тогда как в 1990 г. их было немного.

За годы реформ произошла масштабная социальная трансформация населения Монголии за счет изменения принадлежности граждан к определенным секторам экономики, а также перераспределения отдельных социально-профессиональных групп между ее отраслями [1; 2; 9–11]. Так, численность работников государственного сектора уменьшилась; произошли изменения и в производственном секторе; резко увеличилось число лиц, занятых в негосударственном секторе — что в значительной мере повлияло на процесс обособления данных секторов экономики, а также положение занятых в них людей и поляризацию населения по уровню доходов.

Исследование демографических тенденций, доходов и расходов хозяйств. По данным Нацстаткома Монголии, в конце 2012 г. численность постоянного населения страны достигла 2 867,7 тыс. чел., из них 67,2 % проживало в городах (46 % населения сконцентрировано только в одном г. Улан-Батор!), 32,8 % — сельской местности (табл. 1). При этом доля женщин — 50,4 % от всего населения, мужчин — 49,6 %, детей в возрасте до 15 лет — 32,6 %. На 1 км² территории приходилось 1,5 чел. (один из самых низких в мире показателей уровня плотности населения)².

Воспроизводство населения является одним из источников обеспечения роста человеческого капитала. Однако такие негативные последствия, как резкое повышение цен на товары, рост инфляции и безработица привели к ухудшению жизни населения и снижению его среднего годового прироста: темп роста насе-

¹ Статистический ежегодник Монголии 2012. Улан-Батор : Нацстатком, 2013. С. 427.

² Там же. С. 28.

Таблица 1

Численность населения Монголии в 2007–2012 гг. (на конец года), тыс.чел.

Показатель	2007	2008	2009*	2010*	2011	2012
Численность населения в регионе						
Западный	411,1	409,1	365,2	357,1	356,2	361,0
Хангайский	555,7	560,6	523,6	521,7	523,7	530,2
Центральный	437,9	442,6	442,9	450,7	456,2	467,0
Восточный	199,3	199,5	187,7	186,9	188,4	191,4
г. Улан-Батор	1 031,2	1 071,7	1 196,8	1 244,4	1 287,1	1 318,1
Количество жителей						
Городских	1 601,0	1 659,2	1 772,9	1 910,8	1 896,2	1 926,6
Сельских	1 034,2	1 024,3	943,4	850,2	915,4	941,1
Всего	2 635,2	2 683,5	2 716,3	2 761,0	2 811,6	2 867,7

* Сведения уточнены на основе данных переписи населения и жилья 2010 г.

Источник: Статистический ежегодник Монголии 2012. Улан-Батор : Нацстатком, 2013. С. 80, 82, 85.

ления в 1986–1990 гг. — 2,5 %; 1990–1994 гг. — 1,5 %; 2001–2010 гг. — 1,0–1,8 %. В 2009 г. на 1 тыс. чел. приходилось 25,5 новорожденных, в 2010 г. — 22,9. Численность рожденных детей в 2010 г. составила 63,3 тыс., что выше уровня 2007 г. на 11,7 %, но ниже уровня 2008 г. (на 0,8 %) и 2009 г. (на 8,5 %). С начала 1990-х гг. среднегодовые темпы прироста населения составляли 1,4 %, а общий коэффициент рождаемости упал до 2,1. Это объясняется значительным падением рождаемости, вызванным социально-экономическими проблемами переходного периода, что и стало основной причиной уменьшения темпов прироста населения. Однако среди бедных семей уровень рождаемости продолжает оставаться высоким. Например, в бедных семьях доля детей в возрасте до 15 лет составляет 45 %, а в обеспеченных семьях этот показатель равняется 31 %.

Средняя продолжительность жизни населения, которая напрямую характеризует уровень благосостояния населения, растет с каждым годом. Например, средняя продолжительность жизни монгольского гражданина в 1992 г. составляла 49 лет; 2012 г. — 69 лет (в том числе женщины — 74,32 года; мужчины — 64,91 года)¹. Из 1,5 млн населения трудоспособного возраста работают только более 1 100 тыс. чел. Хотя официально зарегистрировано 40 с небольшим тыс. безработных, существует скрытая незанятость, а также занятость в неофициальном секторе.

Проблема снижения жизненного уровня населения обостряется под влиянием последствий демографического взрыва 1960–1980-х гг. С учетом сохраняющегося темпа прироста населения в 2012 г. реальное производство ВВП на душу населения в Монголии по сравнению с 2001 г. увеличилось в 2,8 раза и достигло 4,910 4 тыс. тугриков, или 3 335 дол. США.

Результаты исследований, проведенных на основе данных переписи населения 2010 г., выявили определенные изменения в жизни народа. Например, темпы роста населения пожилого возраста за последние 20 лет (т. е. между тремя последними переписями) стабильно были ниже темпов роста всего населения. Однако в 1950-е гг. сложились благоприятные условия для роста населения, и темпы его прироста резко возросли. По прогнозам, к 2015–2020 гг. следует ожидать резкого роста количества лиц пожилого возраста по сравнению с прошлыми годами, так

как граждане, рожденные в начале 60-х гг. XX в., скоро достигнут пенсионного возраста.

Исследования также указывают на сохранение традиционного для Монголии образа жизни, заключающегося в объединении отдельных семей и родственников в одно хозяйство. Из общего числа лиц пожилого возраста 59,7 % (72,4 тыс. чел.) являются главами семейных хозяйств. Среди глав семьи 4 109 мужчин, 8 453 женщин не имеют мужей, что является заслуживающей внимания проблемой. Трудовая, финансовая и социальная активность пожилых граждан является довольно высокой. По данным переписи 2010 г., каждый девятый из них имел работу, а 12,3 % от общего числа пожилых граждан (15,3 тыс. чел.) относились к экономически активной части населения.

Особенностью Монголии является то, что уровень экономической активности как среди всего населения, так и среди лиц пожилого возраста выше на селе. Пожилые граждане в основном заняты в сельскохозяйственном производстве, особенно в животноводстве. Однако для лиц пожилого возраста, постоянно проживающих в городах и поселениях, рабочих мест не хватает, предприятия и организации по-прежнему не заинтересованы принимать их на работу.

Проблема кочевничества. Одной из отличительных особенностей формирования и развития социальной сферы в современной Монголии является то, что она неразрывно связана с многовековыми традициями и обычаями кочевого образа жизни большинства монголов вплоть до середины XX в. В настоящее время, несмотря на то что в Монголии по-прежнему очень сильны традиции кочевой цивилизации и треть населения продолжает вести кочевой образ жизни, уже нельзя называть всех монголов кочевниками или номадами, а Монголию — страной кочевников.

В то же время традиционное пастбищно-кочевое животноводство продолжает оставаться одной из жизненно важных основ экономики страны, главным источником существования сотен тысяч животноводов и членов их семей. По официальным статистическим данным, в 2012 г. доля продукции сельского хозяйства в ВВП страны составляла 21,3 %, животноводства — 75 %. На 2012 г. в животноводстве было занято 317,2 тыс. чел., 207,8 тыс. семей имеют личный скот, из них 146,1 тыс. занимаются животноводством как основным видом деятельности. В целом, в сельском хозяйстве занято 34,7 % экономически активного населения².

¹ Статистический ежегодник Монголии 2012. Улан-Батор : Нацстатком, 2013. С. 29.

² Статистический ежегодник Монголии 2012. Улан-Батор : Нацстатком, 2013. С. 30, 36, 111.

PROBLEMS OF INTERNATIONAL ECONOMY

В настоящее время многие монгольские и зарубежные специалисты по животноводству признают, что в Монголии доминирует частично модернизированный традиционный пастбищно-кочевой тип животноводства. Признание этого факта дает серьезные основания рассматривать население, занятое в этой отрасли хозяйства и ведущее в основном кочевой и полукочевой образ жизни, как кочевников и полукочевников.

Особенность развития номадизма в современной Монголии состоит в том, что в 1990–2010 гг. численность кочевого и полукочевого населения резко увеличилась. В течение первых 10 лет после революции 1990-х гг. радикального изменения форм собственности в сельском хозяйстве, приватизации общественного скота и другого имущества бывших сельхозобъединений и госхозов число животноводов в стране возросло со 147,5 тыс. в 1990 г. до 421,4 тыс. в 2000 г. (почти в 3 раза), а число семей животноводов увеличилось со 74,7 тыс. до 191,5 тыс. (почти в 2,5 раза). В 2000 г. средняя численность одной сельской семьи составляла 4,4 чел., а в 2012 г. — 3,7 чел. (табл. 2). По нашим расчетам, в 2000 г. приближительная численность кочевого и полукочевого

населения Монголии была 820–840 тыс. чел., или 35 % населения страны и более 80 % сельского населения. Таким образом, в 1990–2000 гг. численность скотоводов в Монголии возросла примерно в 2,5 раза.

В конце XX в., на протяжении которого преобладала тенденция к постепенному переходу большей части населения страны от кочевых форм хозяйства и образа жизни к оседлым, в Монголии неожиданно произошел еще один удивительный феномен — скачкообразный рост кочевого населения. Этот феномен, по нашему мнению, можно охарактеризовать как процесс реномадизации. В данном случае под реномадизацией мы понимаем объективный, естественный, закономерный, относительно самостоятельный процесс возврата части или отдельных групп населения к прежним, традиционным, кочевым формам хозяйственной деятельности и образу жизни. Речь идет о вынужденном возврате десятков и даже сотен тысяч монголов к кочевому животноводству и кочевому образу жизни под влиянием тех радикальных изменений, которые произошли в общественно-политическом строе и социально-экономических условиях жизни страны после 1990 г. (табл. 3).

Таблица 2

Численность семей Монголии в 2007–2012 гг. (на конец года), тыс.чел.

Показатель	2007	2008	2009*	2010*	2011	2012
Численность семей в регионе						
Западный	96,4	97,0	97,7	96,5	96,8	95,6
Хангайский	146,0	151,0	156,9	158,6	160,1	159,9
Центральный	116,9	123,5	131,3	134,6	137,1	136,0
Восточный	51,7	54,5	57,4	58,2	59,1	59,7
г. Улан-Батор	234,7	251,8	273,2	294,4	306,8	317,1
Средняя численность населения, приходящегося на одну семью	4,1	4,0	3,8*	3,6*	3,7	3,7
Всего	645,7	677,8	716,5	742,3	759,9	768,3

* Сведения уточнены на основе данных переписи населения и жилья 2010 г.

Источник: Статистический ежегодник Монголии 2012. Улан-Батор : Нацстатком, 2013. С. 80, 82, 85.

Таблица 3

Доля городского и сельского населения Монголии в 2008–2012 гг. (на конец года), %

Показатель	2008		2009*		2010*		2011		2012	
	город	село	город	село	город	село	город	село	город	село
Доля населения в регионе										
Западный	29,1	70,9	29,2	70,8	34,7	65,3	31,1	68,9	31,5	68,5
Хангайский	36,0	64,0	37,7	62,3	43,8	56,2	39,0	61,0	39,2	60,8
Центральный	42,8	57,2	43,9	56,1	48,0	52,0	43,5	56,5	42,8	57,2
Восточный	38,7	61,3	41,3	58,7	45,9	54,1	43,8	56,2	38,7	61,3
г. Улан-Батор	100,0	—	100,0	—	100,0	—	100,0	—	100,0	—
Доля городского и сельского населения	61,8	38,2	65,3	34,7	68,0	32,0	66,2	33,8	65,9	34,1

* Сведения уточнены на основе данных переписи населения и жилья 2010 г.

Источник: Статистический ежегодник Монголии 2012. Улан-Батор : Нацстатком, 2013. С. 83.

Для возникновения этого феномена именно в Монголии и именно в начале 1990-х гг. имелись свои объективные, исторические, экономические условия и предпосылки. По нашим наблюдениям, на 2000 г. пришелся пик всплеска реномадизации, когда число скотоводов в стране достигло своего максимального роста и превысило 420 тыс. чел. С 2001 г. число животноводов последовательно уменьшилось. Дело в том, что 2000–2002 и 2009 гг. оказались крайне неблагоприятными по погодным условиям и сопровождались сильными стихийными бедствиями — дзудом, засухами и бескормицей, в результате чего поголовье скота в стране резко сократилось: 1999 г. — 33,6 млн голов; 2002 г. — 23,9 млн голов (почти на 30 %); 2009 г. — 44,0 млн голов, 2010 г. — 32,7 млн голов (25,7 %). При этом тысячи скотоводов лишились скота и, соответственно, средств существования. Вслед за сокращением поголовья в стране также уменьшилось и число скотоводов: 2000 г. — 421,4 тыс. чел.; 2003 г. — 377,9 тыс. чел.; 2010 г. — 327,2 тыс. чел.; 2012 г. — 289,6 тыс. чел. Таким образом, в течение 10 лет (2001–2010) число скотоводов уменьшилось на 131,8 тыс. чел., или 31,3 % по сравнению с 2000 г. (табл. 4).

Приведенные данные о кочевом населении в Монголии и его динамике за последние годы дают достаточно четкое представление, во-первых, о масштабах и количественных параметрах номадизма в стране, во-вторых, о том, что численность кочевого населения в стране не является величиной постоянной, она колеблется — то увеличивается, то уменьшается, но основная масса (ядро в пре-

делах 550–650 тыс. чел.), по прогнозам Нацстаткомитета, сохранится стабильной до 2020 г.

Миграция населения. В начале 2000 г. 74,3 % коренного населения Монголии проживали в родных местах. Однако 25,7 % переехали в другие районы страны, причем большая часть поменяла место жительства в последние годы. Это свидетельствует о том, что свободная миграция населения Монголии усилилась и имеет тенденцию к дальнейшему росту. Известно, что одним из важнейших показателей социально-экономического положения населения любой страны является изменение его демографического состава.

Возрастная структура населения в Монголии из года в год непрерывно меняется. Эти изменения неразрывно связаны с демографическим переходом, который объясняется снижением рождаемости и смертности населения и изменчивостью экономического развития общества. Демографическим переходом называется процесс перехода из традиционно сельскохозяйственной экономики с высоким уровнем рождаемости и смертности населения к современной индустриальной экономике с низким уровнем рождаемости и смертности населения. Следствием демографического перехода является то, что в любой стране происходит формирование новой возрастной структуры, в которой большой удельный вес занимают дети, подростки и люди пожилого возраста.

За последние 30 лет (1979–2010) население страны увеличилось на 74,3 % (табл. 5). При этом среднегодовой прирост составил 2,38 %.

Таблица 4

Численность скотоводов и их семей в Монголии в 2007–2012 гг.

Показатель	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Численность						
Скотоводческих семей	171 588	171 124	170 142	160 265	154 917	146 081
Скотоводов	366 199	360 255	349 303	327 154	311 185	289 646
Семей, имеющих личный скот	226 116	227 547	226 649	216 574	211 743	207 818
Поголовье скота, голов						
менее 10	19 326	17 391	17 344	21 886	19 100	16 827
11–30	24 373	23 202	23 757	30 944	27 017	23 449
31–50	21 002	20 707	20 541	23 666	20 340	17 792
51–100	40 962	40 168	37 080	39 507	36 052	32 902
101–200	54 441	54 469	54 828	49 040	49 435	48 474
201–500	51 200	54 265	54 865	39 923	45 805	50 468
501–999	11 460	13 337	14 124	9 202	11 188	14 276
1 000–1499	2 922	3 501	3 508	2 041	2 364	3 046
1 500–2 000	251	325	403	246	270	385
более 2 001	179	182	199	119	172	199

Источник: Статистический ежегодник Монголии 2012. Улан-Батор : Нацстатком, 2013. С. 221–223.

Таблица 5

Численность населения Монголии в 1979–2012 гг., тыс. чел.

Категория населения	1979	1989	2000	2009*	2010*	2011	2012
Мужчины	798,8	1 020,7	1 177,0	1 328,1	1 367,0	1 364,7	1 393,5
Женщины	796,1	1 023,3	1 195,5	1 388,1	1 394,0	1 446,9	1 474,3
Городское население	817,0	1 166,1	1 344,5	1 772,9	1 910,8	1 896,2	1 926,6
В том числе г. Улан-Батор	1 196,8	1 244,5	1 287,1	1 318,1
Сельское население	778,0	877,9	1 029,0	943,4	850,2	915,4	941,1
Всего	1 595,0	2 044,0	2 373,5	2 716,3	2 761,0	2 811,6	2 867,7

* Сведения уточнены на основе данных переписи населения и жилья 2010 г.

Источники: Статистический ежегодник Монголии 2012. Улан-Батор : Нацстатком, 2013. С. 89. Итоги переписи населения и жилья Монголии 2010. Улан-Батор : Нацстатком, 2011. С. 41.

Однако при более детальном сопоставлении показателей до и после 1990 г. получается иная картина. Так, если в течение 10 лет в промежутке между двумя переписями населения (1979 и 1989 гг.) его численность увеличилась на 28,2 % и среднегодовой прирост составил 2,5 %, то в течение последующих 10 лет (1989–2000) среднегодовой прирост населения был 1,4 %, а в 2000–2010 гг. — 1,5 %, т. е. существенно снизился по сравнению с периодом до 1990 г. Как правило, подобное снижение темпов естественного прироста населения любой страны свидетельствует прежде всего о резком ухудшении социально-экономических условий его жизни.

Следует отметить, что в 1990–2012 гг., несмотря на финансовый кризис, значительных изменений в структуре населения по полу не произошло. Если в 1989 г. соотношение между мужчинами и женщинами было 49,9 : 50,1 в пользу женщин, то в 2010 г. преобладание женщин несколько увеличилось — 48,6 : 51,4. Наиболее заметные и любопытные изменения произошли в соотношении между городским и сельским населением. Так, впервые с середины XX в., когда начался интенсивный процесс индустриализации и урбанизации страны, в 1989–2010 гг. темп роста сельского населения (17,2 %) опередил темп роста городского населения (15,2 %), что свидетельствовало о замедлении темпов урбанизации и, более того, об обратном процессе, т. е. оттоке части городского населения в сельскую местность. При этом среднегодовой темп роста сельского населения в 1989–2000 гг. возрос до 1,6 % против 1,3 % в 1979–1989 гг. Именно в эти годы наблюдался процесс реномадизации, т. е. обратного перехода части населения от оседлого образа жизни к кочевому и полукочевому. Однако это было лишь кратковременным явлением, вызванным прежде всего резким ухудшением социально-экономических условий жизни в городах в начале 1990-х гг.

В следующие годы процесс урбанизации усилился, городское население вновь стало

расти быстрее, чем сельское. Заметнее стала миграция сельского населения из отдаленных аймаков в столицу Улан-Батор и другие крупные города, расположенные в центральной части страны (Дархан, Эрдэнэт и др.). В 1989–2000 гг. население таких аймаков, как Восточный, Среднегобийский, Хэнтийский не только не увеличилось, а наоборот, сократилось. За этот же период население г. Улан-Батор выросло на 138,6 % (760 тыс. чел.), Дархан-Ульского аймака — 113,63 %. В 2001–2012 гг., несмотря на различные ограничительные меры, этот процесс продолжался. В конце 2012 г. население г. Улан-Батор достигло 1318,1 тыс. чел., т. е. увеличилось по сравнению с 2009 г. на 110,1 %¹. Иными словами, миграция сельского населения в столицу и другие крупные города приобрела угрожающие масштабы.

Основными причинами сельско-городской миграции являются отсутствие рабочих мест в сельской местности, удаленность от рынков и центров социально-культурного обслуживания (школа, больница и др.), разорение скотоводов (главным образом в результате неоднократных стихийных бедствий), лишившихся своего скота и утративших возможность самостоятельно вести хозяйство и др. Массовая миграция сельского населения в города и крупные населенные пункты несет серьезные социально-экономические последствия. Сокращается число занятых в традиционном животноводстве и, соответственно, объем производства животноводческой продукции, перестают использоваться обширные пастбища, сокращается численность населения в отдаленных приграничных районах. В то же время происходит чрезмерная концентрация населения в крупных городах, обостряются многие городские социальные проблемы, такие как безработица, нехватка жилья, транспорта, коммунальных услуг и др.

¹ Статистический ежегодник Монголии 2012. Улан-Батор : Нацстатком, 2013. С. 89.

Правительство Монголии впервые в 1996 г., а потом и в 2004 г. утвердило основные принципы и направления новой демографической политики: последовательно поддерживать рождаемость, снижать смертность, увеличивать среднюю продолжительность жизни, обеспечивать оптимальное размещение населения по территории страны, в том числе между городами, сельской местностью и различными экономическими зонами, регулировать миграцию не прямым, а косвенным путем, совершенствовать учет и изучение населения, проводить дифференцированную политику в отношении различных групп граждан¹.

Таким образом, в результате реформ (1990–2010) в демографической ситуации в Монголии произошли изменения, которые носят неоднозначный и противоречивый характер. В начале 1990-х гг. как следствие острого системного кризиса абсолютное большинство основных демографических показателей (естественный прирост населения, норма рождаемости, норма смертности, средняя продолжительность жизни и др.) заметно ухудшилось. Со второй половины 1990-х гг. демографическая ситуация в стране стала постепенно улучшаться: в 2006–2012 гг. увеличилась рождаемость; снизилась детская и материнская смертность; средняя продолжительность жизни возросла до 68 лет. Вместе с тем угрожающий масштаб приобрела миграция, увеличился разрыв между демографическими показателями в городах и сельской местности.

Миграция населения, с одной стороны, влияет на географию населения, вызывает увели-

чение концентрации населения в г. Улан-Батор и его окраинах, центральных районах, с другой стороны, резко уменьшает плотность населения в некоторых отдаленных регионах, что приводит к дефициту возможностей для производства товаров и услуг в регионах и неравновесию спроса и предложения в экономике.

Браки и разводы. В 2010 г. 12,8 тыс. семейных пар зарегистрировались и 2,5 тыс. пар развелись. По сравнению с 2009 г. количество бракосочетаний увеличилось на 8 %, а разводов — 23,4 %. Число бракосочетаний, приходящееся на 1 тыс. чел., в 2010 г. составило 12,7; 2011 г. — 4,3; 2012 г. — 4,5². Среди населения в возрасте от 15 лет и старше доля холостых по сравнению с 1989 г. выросла для мужчин на 8,9, а женщин — 11,2 пункта; с 1999 г. — 7,4 и 8,3 пункта³ соответственно, что объясняется переходом молодежи к более позднему возрасту вступления в брак.

Следовательно, социальная трансформация Монголии, как изменение социальной структуры общества вследствие внешних и внутренних воздействий, происходит путем формирования новых и изменения прежних социальных групп, слоев, отличных друг от друга по отношению к власти, формам собственности, профессиональным занятиям, принадлежностью к сектору экономики, уровню доходов, распределению общего объема денежных доходов населения и ценностным ориентирам.

² Статистический ежегодник Монголии 2012. Улан-Батор : Нацстатком, 2013. С. 289.

³ Итоги переписи населения и жилья Монголии 2010. Улан-Батор : Нацстатком, 2011. С. 41.

Список использованной литературы

1. Болдбаатар Б. Монголия: особенности формирования человеческого капитала в контексте развития человека / Базар Болдбаатар. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2007. — 161 с.
2. Вебер М. Основные понятия стратификации / М. Вебер // Социологические исследования. — 1994. — № 5. — С. 147–156.
3. Озерникова Т. Г. Проблемы установления минимальной заработной платы в Монголии / Т. Г. Озерникова, Нармандах Дамдинжавын // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права) (электронный журнал). — 2011. — № 5. — URL : <http://eizvestia.isea.ru/reader/article.aspx?id=9719>.
4. Дэвис К. Некоторые принципы стратификации / К. Дэвис, У. Мур // Социальная стратификация. — 1992. — Вып. 1. — С. 160–177.
5. Кондратьев Н. Д. Избранные сочинения / Н. Д. Кондратьев. — М. : Экономика, 1993. — 543 с.
6. Нямзагд С. Стратегическое управление экономикой Монголии : дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.05 / Сухрагчаагийн Нямзагд. — Иркутск, 2003. — 334 с.
7. Озерникова Т. Г. Внутрикорпоративная социальная ответственность: трансформация в условиях кризиса / Т. Г. Озерникова // Управленец. — 2009. — № 3–4. — С. 40–44.
8. Развитие российского общества: социально-экономические и правовые исследования / О. В. Батурина [и др.] ; под ред. М. А. Винокурова, А. П. Киреевко, С. В. Чупрова. — М. : Изд. дом «Наука», 2014. — 622 с.
9. Сорокин П. Социальная стратификация и мобильность / П. Сорокин // Человек, цивилизация, общество. — М. : Политиздат, 1992. — С. 156–229.

PROBLEMS OF INTERNATIONAL ECONOMY

10. Социально-экономические проблемы человеческого развития в Монголии / М. А. Винокуров [и др.] ; под ред. М. А. Винокуров. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2013. — 124 с.
11. Суходолов А. П. Предпосылки и направления развития российско-монгольского сотрудничества: роль Иркутской области / А. П. Суходолов // Известия Иркутской государственной экономической академии. — 2014. — № 1 (93). — С. 84–89.
12. Трансформация системы управления человеческими ресурсами региона в условиях экономического кризиса: проблемы и тенденции / М. А. Винокуров, Т. Г. Озерникова, Н. Г. Солодова [и др.]. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2010. — 359 с.
13. Bendix R. Class, Status, and Power: Social Stratification in Comparative Perspective / R. Bendix, S. M. Lipset. — London : Routledge and Kegan Paul, 1967. — 334 p.
14. Laumann E. O. The Logic of Social Hierarchies / E. O. Laumann, P. M. Siegel, R. W. Hodge. — Chicago : Markham Publishing Company, 1970. — 750 p.
15. Wright E. O. The Debate on Classes / E. O. Wright. — London : Verso, 1990. — 368 p.

References

1. Boldbaatar B. Mongoliya: osobennosti formirovaniya chelovecheskogo kapitala v kontekste razvitiya cheloveka [Mongolia: the features of the human capital formation in the context of human development]. Irkutsk, Baikal State University Economics and Law Publ., 2007. 161 p.
2. Veber M. The basic concepts of stratification. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Research*, 1994, no. 5, pp. 147–156. (In Russian).
3. Ozernikova T. G., Damdinzhavyn N. Problems of determining minimal salary in Mongolia. *Izvestiya Irkutskoy gosudarstvennoy ekonomicheskoy akademii (Baykalskiy gosudarstvennyy universitet ekonomiki i prava) (elektronnyy zhurnal) = Izvestiya of Irkutsk State Economics Academy (Baikal State University of Economics and Law) (online journal)*, 2011, no. 5. Available at: <http://eizvestia.isea.ru/reader/article.aspx?id=9719>. (In Russian).
4. Devis K., Mur U. Some principles of stratification. *Sotsial'naya stratifikatsiya = Social Stratification*, 1992, iss. 1, pp. 160–177. (In Russian).
5. Kondrat'ev N. D. *Izbrannye sochineniya* [The Selected Works]. Moscow, Ekonomika Publ., 1993. 543 p.
6. Nyamzagd S. *Strategicheskoe upravlenie ekonomikoy Mongolii. Dokt. Diss.* [Mongolian economy strategic management. Doct. Diss.]. Irkutsk, 2003. 334 p.
7. Ozernikova T. G. Corporate internal social responsibility: transformation in the crisis. *Upravlenets = The Manager*, 2009, no. 3–4, pp. 40–44. (In Russian).
8. Baturina O. V. et al.; Vinokurov M. A., Kireenko A. P., Chuprov S. V. (eds). *Razvitie rossiyskogo obshchestva: sotsial'no-ekonomicheskie i pravovye issledovaniya* [The Russian society development: socio-economic and legal research]. Moscow, Nauka Publ., 2014. 622 p.
9. Sorokin P. Social stratification and mobility. *Chelovek, tsivilizatsiya, obshchestvo* [Man, civilization, society]. Moscow, Politizdat Publ., 1992, pp. 156–229. (In Russian).
10. Vinokurov M. A. et al. *Sotsial'no-ekonomicheskie problemy chelovecheskogo razvitiya v Mongolii* [Socio-economic problems of human development in Mongolia]. Irkutsk, Baikal State University Economics and Law Publ., 2013. 124 p.
11. Sukhodolov A. P. Prerequisites and directions of russian-mongolian cooperation: the role of Irkutsk oblast. *Izvestiya Irkutskoy gosudarstvennoy ekonomicheskoy akademii = Izvestiya of Irkutsk State Economics Academy*, 2014, no. 1 (93), pp. 84–89. (In Russian).
12. Vinokurov M. A., Ozernikova T. G., Solodova N. G. et al. *Transformatsiya sistemy upravleniya chelovecheskimi resursami regiona v usloviyakh ekonomicheskogo krizisa: problemy i tendentsii* [Transformation of human resources management system in the region in the economic crisis: the problems and trends]. Irkutsk, Baikal State University Economics and Law Publ., 2010. 359 p.
13. Bendix R., Lipset S. M. *Class, Status, and Power: Social Stratification in Comparative Perspective*. London, Routledge and Kegan Paul, 1967. 334 p.
14. Laumann E. O., Siegel P. M., Hodge R. W. *The Logic of Social Hierarchies*. Chicago, Markham Publishing Company, 1970. 750 p.
15. Wright E. O. *The Debate on Classes*. London, Verso, 1990. 368 p.

Информация об авторе

Чултэм Улаан — кандидат экономических наук, член Великого Государственного Хурала (Парламента) Монголии, экс-министр финансов Монголии, 14201, Монголия, г. Улан-Батор, район Чингэлтэй, VI квартал, 41–7, e-mail: mr.ulaan@mail.ru.

Author

Chultem Ulaan — PhD of Economics, member of the State Great Hural (Parliament) of Mongolia, Ex-minister of Finance of Mongolia, 41-7, 6 horoo, Chingeltei district, Ulaanbaatar, Mongolia, e-mail: mr.ulaan@mail.ru.

Библиографическое описание статьи

Улаан Ч. Генезис трансформации социальных отношений в Монголии / Ч. Улаан // Известия Иркутской государственной экономической академии. — 2014. — № 6 (98). — С. 105–112. — DOI: [10.17150/1993-3541.2014.24\(6\).105-112](https://doi.org/10.17150/1993-3541.2014.24(6).105-112).

Reference to article

Ulaan Ch. The genesis of social relations transformation in Mongolia. *Izvestiya Irkutskoy gosudarstvennoy ekonomicheskoy akademii = Izvestiya of Irkutsk State Economics Academy*, 2014, no. 6 (98), pp. 105–112. (In Russian). DOI: [10.17150/1993-3541.2014.24\(6\).105-112](https://doi.org/10.17150/1993-3541.2014.24(6).105-112).